

**ДЕТЕКТИВНАЯ
МЕЛОДРАМА**

ЧИТАЙТЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ МЕЛОДРАМЫ

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
Я – его алиби
Девушка с секретом
Блудница поневоле
Неплохо для покойника!
Стервами не рождаются!
Дожить до утра
Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денежек
Мужей много не бывает
Ты у него одна
Любитель сладких девочек
Игры в личную жизнь
Черт из тихого омута
Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
Миллионерша поневоле
Внимание: неверный муж!
В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
Любвеобильный джек-пот
Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы
Большие проблемы маленькой
блондинки
Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей
Окно в Париж для двоих

Лицензия на happy end
Черная корона
Рыцарь чужой мечты
Демон искушения
Грешница в шампанском
Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
Жизнь нежна
Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью
и смертью
Любовь окрыляет
Единственная моя
С первого взгляда
Второй подарок судьбы
Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
Цвет мести – алый
Не доставайся никому!
Чужая жена – потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда
Семь лепестков зла
Свидание на небесах
Ведьма отмщения
Программа защиты любовниц
Кинжал в постели
Гнев влюбленной женщины
Лучший день в году
Огненный шар

**ГАЛИНА
РОМАНОВА**

*Грешница
в
шалтанской*

ЭКСМО

Москва

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 69

Оформление серии *А. Дурасова*

Романова, Галина Владимировна.
Р 69 **Грешница в шампанском : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Детективная мелодрама. Книги Г. Романовой).**

ISBN 978-5-04-219334-7

Бизнесмену Дмитрию Кагорову уже сорок пять, а семьи фактически нет. Холодная, эгоистичная жена рядом, без души, без чувств. Надо же было так вляпаться! Все искал, перебирал, отбраковывал. Ему так хотелось чего-то волшебного... Вот и получил Снежную Королеву. Она чурается его любви, не хочет слышать о детях. О разводе в их случае и речи идти не может, слишком много придется делить. Значит, выход лишь один. Он уничтожит Лилию. И сделает это уже скоро. Тем более что есть альтернатива: Муся, Александра Заболотнева. Правда, Муся замужем, но Кагоров не привык отступать. Чем сложнее задача, тем быстрее он ее решит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015
ISBN 978-5-04-219334-7

ГЛАВА I

С раннего утра небо заволокло низкими тяжелыми облаками. Она как раз шла из магазина и все дивилась про себя, потихонечку: ну будто вечер наступил, в самом деле. Ну что за метаморфозы!

Ни одна женщина не имела права на такое количество капризов, которое могла себе позволить природа. Вчера эта самая капризница пригнала откуда-то, с Лапландии быть может, пронизывающий ветер. Еще в начале девятого вечера все казалось тихим и засыпающим, и тут как началось, ветер как взялся метаться меж домами, как начал лопатить редкие горбатые сугробики, которые смастерили трудолюбивые дворники. Вмиг разогнал с неба плотные залежи тихого вечернего ненастья, обнажил мерзнувшие в далеком стылом небе звезды и наобещал на утро такого трескучего мороза, что ей пришлось искать в нижнем ящике комода теплые шерстяные носки.

Любимый Сережка наавтра собрался с мужиками в лес за елками. Говорил, что ненадолго. Что и разрешение у егеря на столе уже неделю лежит. И что будто бы им в лесничестве уже и деревья вы- брали, осталось лишь подъехать, чиркнуть бензо-

пилой и уложить все в машину. Мог бы кто-то это сделать и из его подчиненных, но...

Но традиция у Сережки и его друзей была такая — самим ездить в лес за елкой. У кого ведь какая! Кто в баню ходит в канун Нового года. Кто на охоту отправляется или на рыбалку, а они вот за елками ездят. Часа два, говорит, это займет, не больше. Даже озябнуть, мол, не успеет. Да как же, не озябнешь тут при таком-то ветре и морозе!

Утром Сережка на нее руками замахал и отослал куда подальше с шерстяными носками.

— Да у меня, — говорит, — и сапоги-то на них не налезут, чего удумала-то? Ты на термометр посмотри, милая. Какой мороз?!

Термометр и правда показывал всего пять градусов мороза. Может, неисправен? За окном все казалось совсем не таким. И деревья, запрокинув ветки в небо, метались с неистовым деревянным стоном. И солнце, неоновое декабрьское солнце, слепило в бледно-голубом небе именно так, как бывало только в крещенские морозы. А тут — всего лишь минус пять! Как-то не верится...

Носки все же тайком всунула в рюкзак, к дежурной фляжке с коньяком и жестяной коробке с бутербродами. Ничего, если промерзнет, не дай бог, найдет — лишь обрадуется. Невелика ноша, да и не на себе нести. Все на машинах, которые больше танки ей напоминали.

Мужа проводила, сверила новогодний список с содержимым холодильника и шкафов и засобиравшись в магазин. Пора было покупать мандарины и копчености, до праздника оставалось три дня, самое время.

Все купила в магазине неподалеку, без очере-

дей, без гвалта, без нервотрепки, хвала небесам и правительству. Она считала, что именно так все и обстоит, что только оттуда все блага, не особо прислушиваясь к гневной критике оппозиции и атеистов.

Вышла из магазина, направляясь домой, и тут как раз и поволокло на небо этот серый холодный сумрак. Не будь ниже нуля, так бы и подумала, что дождь сейчас польет. И снова тихо сделалось. Будто город их кто решил ватным тампоном прикрыть. Огромным ватным тампоном грязного серого цвета. На душе тут же сделалось неуютно так, и захотелось скорее домой. Где просторные теплые комнаты, красивый пол с подогревом, толстые ковры, где дорогая удобная мебель и очень дорогая посуда, мыть которую она в первое время отчаянно боялась: как бы не разбить. Сережа посмеивался и советовал не бояться, мол, еще купим. А она все равно опасалась. Да чего там посуда! Она и по полу-то в первое время с опаской ходила. Все удивлялась, что это за пол такой, из щелей которого не сквозит?! А вместо этого приятно греет ступню, и можно даже зимой ходить по нему босиком и без опасения развалиться на нем перед камином.

Сережка так часто делал, подкладывая под голову огромную мохнатую игрушку-собаку. Заваливался на пол и смотрел сквозь ленивую дрему на пламя. Он на пламя, а она на него. Что красивого в пламени том? Насмотрелась она на него в детстве и юности. Костры через день жгли во дворе, чтобы картошки напечь, чтобы просто согреться, и от нечего делать жгли. Чем еще-то себя занимать было? Не в подвале же на трубах клей нюхать, пока мать на смене? Уж лучше возле костра...

— Здравствуйте, Надежда, — чопорно поприветствовала ее консьержка.

Тут же покосилась на нее с противным значением из-за стеклянной перегородки своей конторки и снова уткнулась в вязание.

«И что можно было вязать так долго и так постоянно?» — с раздражением подумала Надежда, неторопливо подходя к лифту. Ведь смена за сменой, день и ночь через двое, вяжет и вяжет, вяжет и вяжет! И ладно бы что-то разное, а то все одного какого-то грязного серого цвета, как те вздувшиеся ватные облака теперь на улице. Может, вяжет, потом распускает, и снова вяжет, а? Чем не занятие для старой перечницы?

Консьержка ее не любила. Надежда спинным мозгом, всеми своими жилами это чувствовала. Не любила не за что-то, а просто так, из желчной зависти, что девке этой — Надежде то есть — вдруг повезло выйти очень уж удачно замуж, а кому-то — более достойному, может, даже ее дочке, внучке и так далее, не повезло. Мыкаются в девках, бедные, а могли бы вполне и в шубах таких же щеголять, и уши с пальцами украшать камушками сверкающими.

Надежде всегда казалось, что эта пожилая женщина постоянно думает о ней именно так. Как вот только остановится ее мутноватый, заезженный постоянным вязанием взгляд на ней, так и вспыхивают в старческом мозгу воспаленные завистью мысли.

Ах, да ну что там говорить о посторонней тетке, если своя собственная родня злобится и шипит время от времени за ее спиной! Мать и та неделю назад, когда они встретились случайно у метро, ог-

лядела ее с прищуром, пощелкала пальцем по пуговице на новой меховой куртке и проговорила с укором:

— Богатая ты, Надька, стала. Смотри, как бы не зажраться тебе!

— Ма, ну ты чего, а? — Надежда сразу расстроилась. — Мам, ну ты-то чего? Ладно другие...

— Да так я. У Стаськи сапоги разорвались вдрызг, новые купить не на что, а ты на каждый день недели разные меха надеваешь. Нехорошо, дочка. Надо родне-то помогать. К кому, кроме родни, потом придется голову приклонить? Помогать надо родне.

— Ма, ну как?! Ну ты-то чего, а?!

Стаськой звалась ее младшая сестра Таисия. Была она всего на три года младше Надежды, но намного выше и намного красивее ее, как считала сама Таисия. Но вот везением ее бог обделил. А сестрища удачливая все чего-то с помощью медлила и все никак не хотела вникать, что с богатого мужа нужно тянуть, тянуть и тянуть, пока он еще любит, дорожит и все такое.

А Надежда не могла тянуть, не хотела вникать и считала, что помогать за счет Сережи своей родне — это очень неприлично. Он работает от зари до зари, а Стаська вместо того, чтобы о своем будущем думать, скитается непонятно где.

Мать ладно, она вне упреков. Работала всю жизнь медсестрой в хирургическом отделении. Ишачила иной раз подряд по три смены за приработок. Так урабатывалась, что однажды труп от живого человека не могла отличить. Чуть с работы не вылетела, когда хотела покойнику после останки сердца капельницу поставить. Оставили из

жалости и уважения к многолетней пахоте доработать до пенсии.

А Стаська...

Поступила в институт, бросила через год. «Не мое», — говорит. Поступила в колледж какой-то, снова бросила. Снова не ее. Устроила ее мать на работу, к какому-то уважаемому богатому бывшему пациенту, оперировавшемуся в их клинике. Выдержала три месяца. И теперь мотается где-то целыми днями, обувь рвет, как считала Надежда. Толку-то, толку-то никакого не было от ее мотаний и скитаний. Одни амбиции и желания неумные. Да и еще зависть к более удачливой сестре.

— Денег я просить у Сережи не стану, — категорически заявила Надежда в ту последнюю встречу с матерью. — Это неприлично, ма. Я и для себя-то ничего у него не прошу!..

Мать повернулась и ушла, и больше не звонила, а когда Надежда сама позвонила и начала осторожно выведывать у нее про их с сестрой планы на новогоднюю ночь, категорически отрезала:

— Наши планы с вашими никак не пересекаются, дочь.

И бросила трубку. А Надежда, если честно, первый раз вздохнула с облегчением. Ну наконец-то! Наконец-то ей не придется разрывать себя между любимым мужем и своей родней за праздничным столом. Не нужно будет отвлекать Сережу, когда Стаська вдруг нечаянно или нарочно рыгнет. Не нужно будет бояться скользких, неприятных тем и смеяться наигранно, когда мать примется собирать со стола кости и объедки для своего кота. А потом, после их ухода, не нужно будет лихора-